

*БЫЛЪ МОЖЕЛЪ,
в струях высокой реки,
осиянных вершинными снегами,
трепещет
горняя вода?
Вхожу
в тайну
Нездешности,
опираясь на земные камни...*

Татьяна Батурина

Татьяна Батурина

ОБРЕТЕНИЕ СЕРДЦА

Избранное

Волгоград
2017

ББК 84(2Рос-Рус)6(2Рос-4Вог)
Б28

Батурина, Т. М.
Б28 Обретение сердца [Текст]: избранное / Т. М. Батурина. — Волгоград: Издатель, 2017. — 504 с.

Свою юбилейную книгу избранной прозы известная русская писательница Татьяна Михайловна Батурина, лауреат Всероссийской литературной премии «Сталинград» и дважды лауреат Государственной премии Волгоградской области в сфере литературы, назвала просто, но ярко: «Обретение сердца».

По мысли Батуриной, «абсолютная ценность в земном мире — человеческое сердце, или душа, то есть самая жизнь. Всё на Земле преходяще и лишь сердце-душа принадлежит вечности, Богу. И поэтому каждому человеку надо помнить о своём бессмертии, не грешить многоделанием и многоглаголением, не изменять высоким душевным порывам ради житейской устроенности, принося в жертву внутренний мир, покой, дружбу, любовь... Ведь на тот свет душа не возьмёт ничего, кроме себя. А какую себя: светлую, тёмную? Добрую, злую? Любящую, ненавидящую? Народ не зря знает издревле: каков жит, таков и побыт, а великий святой старец Макарий Египетский призывал: «Человеку надобно возделывать землю сердца своего». Как мудро!

Автор желает и себе, и своим читателям непрестанно, всю жизнь учиться этому великому деланию и сердечно благодарит заслуженного работника культуры академика В. Э. Коваля, доктора филологических наук профессора В. И. Супруна и председателя Волгоградского благотворительного фонда «Поколение» И. И. Ефремова за искреннюю поддержку и действенную помощь в создании этой книги.

ББК 84(2Рос-Рус)6(2Рос-4Вог)

© ГБУК «Издатель», оформление, 2017
© Батурина Т. М., 2017

СЛЫША ЭХО РУССКИХ ВЕКОВ...

Классик немецкой литературы Лион Фейхтвангер в известном романе «Гойя, или Тяжкий путь познания» подарил миру фразу, ставшую впоследствии крылатой: «Талантливый человек талантлив во всём». Когда я её слышу или читаю, нередко вспоминаю Татьяну Михайловну Батурина. За долгие годы знакомства и общественного сотрудничества с ней много раз убеждался: какое бы дело она ни начинала, всё получается талантливо и, главное, значимо для нашей волгоградской и российской культуры, всё необходимо в духовном отношении. Её творческая и душевная энергия, уверенность в правоте и насущности очередной поставленной цели не раз способствовали воплощению в нашем городе и области крупных и долговременных культурно-просветительских проектов.

Можно вспомнить о том, как в 1997 году Татьяна Батурина во главе своих единомышленников решила основать на волгоградской земле Всероссийский православный фестиваль «Святая Русь». По задумке этот форум должен был в целом планомерно и зримо подвигать к возрождению, поддержке традиционной православной и патриотической культуры и, в частности, популяризировать соответствующие произведения искусства и их создателей – тех, кто воспеваеет Россию, её исконные духовные ценности.

В одном из стихотворений Татьяна Батурина писала:

Русь до поры под «Ваньку» и «матрёшку»
Играет, да не бьётся ликом в грязь:
Вновь ставит Храм на чистую ладошку,
Младенческой улыбкою светясь!

Немало истинных талантов было открыто на этом фестивале за прошедшие годы. Это вышивальщица икон матушка Муза Агафонова, муниципальный камерный хор из Липецка, кинорежиссёр из Москвы Елена Ляпичева, ансамбль казачьего песенного фольклора «Станица» под руководством Ольги Никитенко, народная артистка России Елена Сапогова, хор Царицынского православного университета под управлением диакона Сергия Колоскова, дуэт из Болгарии «Леп и вино» и другие подвижники, которых вдохновили и сдружили идеи знакового творческого форума.

Когда в Волгограде началось общественное движение по воссозданию Царицынского Кафедрального собора святого благоверного князя Александра Невского, было нетрудно предугадать, что в кругу наиболее ревностных сторонников этой идеи одной из первых окажется Татьяна Батурина.

В самом начале двухтысячных вместе с заслуженным строителем России А. В. Богдановым и другими православными подвижниками она основала Международный культурно-просветительский фонд «Александр Невский»: президентом стал Богданов, исполнительным директором — Батурина.

Ежегодно в рамках деятельности фонда проходит Царицынский Александро-Невский православный фестиваль культуры, языка и журналистики, получивший ошутимую (за 16 лет около 3 тысяч участников конкурсов из десятков городов и поселков нашей области, России и зарубежья) поддержку тех, кто чтит отечественную историю и хранит наше духовное наследие. Лучшие литературные и журналистские произведения участников фестиваля публиковались в альманахе «Александр Невский», который стал выходить опять-таки благодаря творческим и профессиональным усилиям Татьяны Батуриной и её сподвижников — сначала вкладывшем в журнале «Отчий край», а затем и отдельным изданием. Казалось бы, форум обрёл известность, устойчивое ядро приверженцев, «прописался» в областной столице. Но «застой» в любом, даже вполне уместном, виде с Татьяной Батуриной просто несовместим. Стали обязательными паломнические выезды в сельские, в том числе отдалённые от Волгограда районы, в монастыри, к памятникам историко-культурного наследия нашего края. Вспоминается, как интересно прошёл фестиваль пять лет назад в Серафимовиче, бывшем центре Второго Донского округа станице Усть-Медведицкой, с которой связаны судьбы крупных русских писателей Александра Серафимовича, Фёдора Крюкова, Романа Кумова, где ровно 100 лет назад родился видный волжский поэт Владимир Автономов, месяцами жил в семидесятых годах Фёдор Сухов...

Дочь родителей-фронтовиков, Татьяна Батурина в своём общественном служении всегда помнит о защитниках Родины, воинах Сталинградской битвы и всей Великой Отечественной. На одном из фестивалей известному участнику обороны Сталинграда писателю Сурену Мирзояну был вручен памятный серебряный крест святого благоверного князя Александра Невского. А в год 60-летия Сталинградской победы президент России Владимир Путин с благодарностью принял от руководства фонда и фестиваля золотой крест Александра Невского.

Главной целью Царицынского Александро-Невского православного фестиваля культуры, языка и журналистики является всемерное и всестороннее содействие воссозданию в Волгограде Кафедрального собора Александра Невского. В начале двухтысячных это казалось делом далёким и трудно осуществимым, однако ныне в самом центре Волгограда уже поднимаются краснокирпичные стены будущего собора, освятить который планируется в 2020 году.

Литературная педагогика, многолетнее наставничество начинающих авторов — ещё одна ипостась деятельности Татьяны Михайловны. К писательнице постоянно обращаются за помощью городские и сельские стихотворцы, которым, конечно, приходится многое объяснять в технике стихосложения, но самое главное — убеждать, что стихи — не штампы и банальности, кое-как или даже вполне умело соединённые созвучиями, не набор слов, которые «светят, но не греют», а постоянный труд ума, сердца и души. Что поэзия — это тайна: шёпот и крик, смех и плач. Но в первую голову — это гражданственность, «дым Отечества», Божественная правда и ахматовское «царственное слово»...

В разные годы Татьяна Батурина организовывала и возглавляла несколько творческих объединений. Сейчас её детища — литературные курсы при Союзе

писателей Волгограда и литературно-публицистический клуб ветеранов Великой Отечественной войны и их потомков «Мамаев курган», действующий при Государственном историко-мемориальном музее-заповеднике «Сталинградская битва». Один из зримых итогов этой работы — выпущенные в последнее время коллективные сборники «Мамаев курган помнит» и «Свет Родины».

О художественно-публицистической передаче «Свеча», которую с середины девяностых вела на нашем телевидении Татьяна Батурина, и сейчас помнят волгоградцы. Это был искренний, неторопливый разговор о Родине, простых православных людях и священнослужителях, литераторах и художниках, в том числе самодельных, об их вере, повседневной жизни, их семьях, надеждах и заботах, мечтах и творчестве. Но шли годы, и «Свеча», всё более «не вписываясь» в возрастающий информационно-развлекательный и, увы, коммерческий дух современного телевидения, постепенно прекратила своё существование. Но она не гаснет — и, повторяю, в памяти волгоградцев, и на обложке одноимённой книжки Татьяны Батуриной, умещающейся словно молитвослов «на чистой ладошке»...

О творчестве Татьяны Батуриной написано немало. Есть публикации учёных в авторитетных журналах, научных сборниках, изданиях энциклопедического характера (В. Б. Смирнов, З. П. Тинина, О. А. Горбань, А. М. Буланов, А. В. Млечко, В. В. Компанец, Т. И. Зимина, однофамилица-одноимённица нашей землячки Т. П. Батурина из Санкт-Петербурга и другие известные литературоведы и критики). С трудами Батуриной знакомит редчайший Библиографический указатель «Христианство и новая русская литература XVIII—XX веков» (издание Российской Академии наук, 2002), произведения поэты вошли в Антологию русской поэзии XX века (Москва, Олма-пресс, 1999) и Антологию «Классики и современники о русском языке» (Москва, Вече, 2013). Занимались изучением поэзии Батуриной школьные учителя, юные филологи, не раз писали о ней и друзья-стихотворцы. Подробный анализ стихов и прозы волгоградской писательницы дали на порталах «Стихи. ру» и «Благовест» Галина Клинова из Средней Ахтубы и Ольга Ларькина из Самары. Но каждый новый читатель по-своему воспринимает батуриновское творчество, тем более столь многогранное, выразившееся в книгах стихотворений и прозы, поэмы и научных исследований.

Пушкин устами Сальери говорил о невозможности «поверить алгеброй гармонию». Современный словарь толкует эти крылатые слова так: «О безнадёжной попытке судить о художественном творчестве, основываясь только на рациональном начале, исключая чувства, бессознательное и т. д.». Поэзия Татьяны Батуриной исполнена чувствами и разумом, автор неизменно ищет ответ на вопрос о сущности человеческого бытия: веры, надежды, любви. Но чтобы полнее понимать ставшую становой для её творчества исповедальность, необходимо ни много ни мало самому ступить на путь обретения и сбережения этих трёх добродетелей...

Кажется, она и родилась с поэзией. Первые строки Танечка Бойко сочинила уже в девять лет, смело продекламировав свои «планы» на школьном утреннике:

Я — Снегурочка, стою,
Песню первую пою.

Ясно, что дальше последуют новые песни, что жизненный путь, пусть робко и наивно, но намечен, «освещён» поэзией... Детские порывы обычно значительно корректируются юношеским максимализмом. В автобиографической повести «Окошечко» поэтесса вспоминает: «Отец завёл тетрадочку, куда записывал своим ладным почерком все мои сочинялки. Лет в пятнадцать я эту тетрадку тайно уничтожила, твёрдо решив не заниматься ерундой, то есть стихосложением. Но у Господа Свой замысел о каждой душе:

О, если б знать!
Но знать нам не дано,
И потому под ясными огнями
Мы ждём того, чему не суждено
Иль суждено свершиться вместе с нами...»

Вместо «ерунды» Татьяна решила заняться серьёзным, можно даже сказать, мужским, делом – профессиональным познанием техники нефтегазодобычи: окончив восьмилетку, поступила в Волгоградский нефтяной техникум. Начались теоретические и практические занятия по точным, весьма «прозаическим» наукам и дисциплинам. Казалось, поэзия должна была основательно выветриться из головы и души будущего мастера нефтяных и газовых промыслов. Но... на смену папиной тетрадке пришла своя, «взрослая», куда записывались новые стихи, и к концу учёбы первое «собрание сочинений» было готово.

Таня старалась ходить на литературные встречи, читать поэтические новинки, в том числе местных авторов, искала встречи с ними. И в год окончания техникума такая встреча стала судьбоносной в самом прямом смысле. Маргарита Агашина внимательно выслушала юную поэтессу, прочитала её тетрадку и посоветовала посещать литературную студию при писательской организации, где росли поэтический «молодняк» Юрий Окунев, Артур Корнеев, Валентин Леднёв. Началась, по-рабочему говоря, шлифовка стихов, обсуждения, споры со студийцами. Всё это приносило начальный писательский опыт и первые успехи. В марте 1966 года на областном семинаре молодых поэтов, организованном писательской организацией и комсомолом, специально приехавший из Москвы вместе с группой известных писателей главный руководитель волгоградского молодёжного литературного съезда, наш знаменитый земляк Михаил Луконин скуп, но оптимистично сказал о стихах Батуриной: «Мастерства маловато. Но поэзия просыпается». Спустя два года окончательно «проснувшаяся» юная поэтесса опубликовала целую страницу стихотворений в местной комсомольской газете «Молодой ленинец». На эти стихи обратил внимание саратовский журнал «Волга» и поместил многие из них на своих страницах, что было редкой удачей для начинающих авторов. В это время Татьяна уже училась на филфаке Волгоградского педагогического института, добавляя к «нефтянке» знания отечественной и зарубежной литературы, родного языка и устного народного творчества...

Были и другие, как выяснилось позже, очень пригидившиеся в жизни университеты: волею судьбы и всё возраставшей тяги к литературной работе Та-

тьяна оказалась в среднеахубинской районной газете «Звезда». Главным редактором здесь был фронтовик, опытный газетчик и будущий член Союза писателей Иван Кандауров. Через много лет Татьяна Михайловна писала в своих воспоминаниях: «Впервые я встретилась с Иваном Михайловичем в старом купеческом особняке на улице Советской в Средней Ахтубе, где располагалась редакция районной газеты «Звезда». Там и начались газетные “мои университеты”». Девятнадцатилетняя корреспондентка «совсем по-девичьи, восторженно-эмоционально воспевала стада коров среди раскинувшихся дубрав и озер, яблоневые сады у берегов древней Ахтубы, работающих механизаторов и доярок, новые сельские школы и милые детские садики».

Был и третий, самый, пожалуй, главный университет — постоянное общение с настоящей поэзией, отечественной и мировой. Как признавалась Татьяна Батурина, она с юности сполна знала и ценила творчество Беллы Ахмадулиной, Николая Рубцова, Анны Ахматовой, Фёдора Сухова. Одновременно зачитывалась стихами американской поэтессы Эмили Дикинсон.

Литературная учеба и интерес к поэзии конечно же не исчерпывались названными именами. Поэтесса неизменно и восторженно признавалась в любви к Пушкину, Лермонтову, всей классической русской поэзии. Да и разве могло быть иначе?

Ещё одна важная веха. В мае 1969 года Татьяну Батурина как уже состоявшегося автора Союз писателей СССР и ЦК ВЛКСМ делегируют в Москву на V Всесоюзное совещание молодых писателей. Это была удивительная и познавательная встреча, многие её участники со временем вступили в Союз писателей.

Не избежала этого радостного события и Татьяна Батурина, у которой в 1970—1990-е годы одна за другой в Москве и Волгограде выходят книги: «Черёмуха», «Эхо», «Письмо», «И всё вокруг моё», «Колыбель», «Полдень», «Счастливая мета», «Отцовский сад», «Стихотворения», «Русь Господня», «Свеча»... Стихи Татьяны Батуриной публикуют журналы «Москва», «Волга», «Дон», «Наш современник», всесоюзные альманахи «Поэзия», «Родники». С момента создания в 1994 году в Волгограде литературно-художественного журнала «Отчий край» она становится его первым и постоянным автором. Стихи волгоградской поэтессы читают в переводах на Украине и в Туркмении, в Монголии и Чехословакии, в бурющемся Афганистане и в Армении.

Творческому человеку не так-то легко найти постоянное, «твёрдое» место работы, далеко не каждая должность позволяет свободно распоряжаться временем для литературного творчества, нередкая смена мест службы здесь вполне объяснима. Молодая поэтесса работала методистом в Доме народного творчества, несколько лет редактировала многотиражку химзавода имени С. М. Кирова, заведовала отделом в газете «Молодой ленинец», была заведующей литературной частью драмтеатра имени Горького, литературным консультантом Волгоградского отделения Союза писателей РСФСР. Культурно-просветительская деятельность и особенно журналистский опыт во все времена были для писательницы привычными и полезными во всех отношениях: поездки по области, встречи с людьми интересной судьбы, созидательная ат-

мосфера заводов, особое чувство родной земли в сельской глубинке... Всё волновало творческое воображение, всё пригодилось.

Новый век Татьяна Батурина встречает поэтическими сборниками «На полянах Рождества», «Врата», «Невладанный платок». Она углублённо и желанно начинает работать над автобиографической, очерковой и религиозно-исследовательской прозой, издаёт заметные книги «Вериги любви», «Ду-рочкины лоскутки», «Маманин курган», одновременно вынашивая замысел, а затем начиная работать над первым своим художественным романом. Наконец, в 2015 году несколькими тиражами, с постоянными дополнениями, Татьяна Батурина издаёт его, назвав эту свою воистину выстраданную книгу не только поэтически лёгким и прозрачным, но прежде всего древним, тящим эхо русских веков словом — «Русиюния». Роман удостоивается региональной Государственной премии, уже второй в творческой биографии писательницы. Одной из первых получила она в своё время и Всероссийскую литературную премию «Сталинград».

Ещё одной творческой вехой стала для Татьяны Михайловны защита диссертации по очень серьёзной, более того — ставшей для неё благодатной теме: «Семантика и функции глаголов в житии Александра Невского». Этому событию предшествовали публикации в 17 научных сборниках.

Книгу «Обретение сердца», выпуском которой Татьяна Михайловна решила отметить свой нынешний юбилей, составили три особо дорогих для писательницы произведения. Это художественно-публицистическое исследование «Святой Александр Невский как предчувствие Православного царства», автобиографическая «наивная» повесть «Окошечко» и роман-притча «Русиюния».

Как сказано выше, житие Александра Невского стало для Татьяны Батуриной основой научного исследования. А деятельность по воссозданию в родном городе-герое собора его имени много лет подвигала к постоянным размышлениям о месте святого благоверного князя в нашем мире.

Вся надежда на ратника Божьего, на Александра:
Вместе с княжичем выросло имя и стало, как щит,
И отныне питомец предвечного поля и сада
На порфире Руси златошлемным собором стоит.

Через полтора века волгоградская писательница перекликается с выдающимся подвижником отечественной истории Николаем Ивановичем Костомаровым, 200-летие со дня рождения которого отмечается в этом году. В 1858 году ученый предпринял поездку по Саратовской губернии для изучения крестьянских традиций. Побывав в Царицыне, он писал: «В архиве градской думы старые дела не восходят ранее 1751 года. Но некоторые документы представляли «всеобщий интерес»: это дела о «самозванцах Богомолове и Ханине и дела о разбойниках этой же эпохи». Вдобавок в одном из селений близ Царицына историк получил от местного старожилы интересные сведения о Емельяне Пугачёве.

Можно предположить, что здесь, на нашем волжском берегу, неподалёку от мест, где когда-то располагалась столица Золотой Орды Сарай-Берке, Николай Иванович размышлял и о роли благоверного князя в русской истории,

вынашивая слова, которые Татьяна Батурина уважительно цитирует в своей работе об Александре Невском: «XIII век был периодом самого ужасного потрясения для Руси. С востока на неё хлынули монголы с бесчисленными полчищами покорённых татарских племён, разорили, обезлюдели большую часть Руси и поработили остаток народонаселения; с северо-запада угрожало ей немецкое племя под знаменем западного католичества. Задачей политического деятеля того времени было поставить Русь по возможности в такие отношения к разным врагам, при которых она могла удержать своё существование. <...> Таким деятелем являлся в русской истории князь Александр Ярославич Невский».

Небольшая повесть «Окошечко» только по подзаголовку «наивная», на самом деле это весьма «опытная», уверенная проза с трогательными автобиографическими и мемуарными страницами. Здесь вместе с героиней мы проходим по давним сталинградским улицам, едем на поезде в родовые отцовские украинские Житне-Горы, где день-деньской бегают босиком наша Таня, успевающая при этом сочинять:

Кольшики-подсолнушки, маленькие солнышки,
Дайте пчёлкам света, остальным приветы.

Проза и поэзия неразрывны в потоке текстов Татьяны Батуриной, как это и положено стихотворцу, с годами «склонившемуся», по выражению Пушкина, «к суровой прозе». Вот идёт по Яблочному посёлку дурочка Маня — зимой и летом в чёрном платке, в тяжёлых спортивных мужских ботинках на босу ногу, Маня-икона, как звали её все, ибо была она в молодости раскрасавица, но во время Великой Отечественной войны в бою получила контузию. Не обретшие ещё мягкости сердца дети бегут вслед за ней, дразнят, даже бросают камни... А Маня идёт по посёлку и святой водой из цветного флакона поливает улицы и сады, защищая землю от врагов...

Я пойму эту тайну потом,
Этот образ узнаю нетленный,
Охраняющий отческий дом
В обретенной навечно вселенной.

Состраданье, печаль и покой
Сталинградского послевоенья —
Нынче помню я Маню такой
В ореоле добра и терпенья.

Так и вижу: идёт по золе
В незлобивом безумье, во свете
Чистоты, и бегут по земле
Вслед за ней несмышлёные дети...

Свойственное писательнице обострённое восприятие глобальных социальных бед не покидает её и в мемуарных записях: «...Весь славянский мир переживает великое испытание на разрыв, а ведь, по Писанию, всякий дом, разделившийся сам в себе, погибнет. Устоим ли, братья и сестры? Найдутся

ли среди нас подсолнухи-богатыри, которые поднимут лица к солнцу, наберутся великой силы и осветят небесным святым светом нашу древнюю родину, нашу Киевскую Русь? Негде будет спрятаться нечисти, негде будет выжить нежити — да сгинут они в негях!» Не только эмоционально, но как современно и своевременно звучат эти слова, о чём мы ещё вспомним в этой статье! А потому самое время вернуться к роману-притче Татьяны Батуриной, поговорить о нём подробнее.

«Спрятавшись» за подзаголовок «Думы-придумы», писательница в «Русиюнии» весьма смело полемизирует, предлагая решения проблем в сфере теории происхождения языка и народов, истории письменности, этимологии. Например, она безоговорочно утверждает, что *рус* и *рыс* в древнерусском языке равнозначны, что «Русиюния» — старинное название нашей Родины.

Что же это — «придумы» писательницы, не требующие доказательств и этимологически строгих построений, или думы кандидата филологических наук? Хотя и крупные учёные, наши и зарубежные, всё ещё не могут (или не хотят?) прийти к единому мнению о происхождении имени нашей Родины. Недаром автор этимологического словаря польского языка Александр Брюкнер утверждал: «Кто верно истолкует название Руси, тот получит ключи к разъяснению её первоначальной истории». Волей судьбы в давнюю полемику по этому поводу были вовлечены два сталинградца. Один из них стал сталинградцем поневоле: профессор Вениамин Брим был выслан из Ленинграда в наш город в начале тридцатых, работал в механическом и индустриально-педагогическом институтах. Ранее, ещё в Петрограде, он опубликовал статью «Происхождение термина “Русь”», где доказал северное происхождение этого слова.

Близких взглядов придерживался и один из героев «Русиюнии» академик Алексей Александрович Шахматов, который, кстати, значительную часть своей жизни проводил неподалёку от наших мест — в своём имении Губаревке Саратовского уезда. Позже эту этимологию поддержал знаменитый русско-немецкий учёный Макс Фасмер. Но тут же, понятное дело, послышался окрик польского филолога Отрембского: «Эта концепция является одной из величайших ошибок, когда-либо совершавшихся наукой».

А другой профессор, Олег Николаевич Трубочёв, родился в Сталинграде, прожил здесь 12 лет, описал в своём детском дневнике бомбёжки фашистами города во время Сталинградской битвы. Впоследствии он стал выдающимся филологом, академиком Российской Академии наук, редактором и составителем этимологического словаря славянских языков, автором широко известных книг по русскому языку и славистике. В своей главной книге «Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования» он утверждает, что исконным наименованием восточных славян было *рукса*, *русса*, обозначающее «светлый», «белый». Конечно, и на эту теорию бдительно набросились приверженцы иных взглядов...

Интрига нового романа Татьяны Батуриной строится на таинственной находке — камне, на котором вырезаны диковинные письмена, неизвестные ни царю Василию Иоанновичу, ни митрополиту Макарию (роман начинается с

обширной части, действие которой происходит в 16-м столетии), и только в веке двадцать первом расшифрованные главным героем повествования Павлом Панчашиним. В этом роду было немало талантов и подвижников. Одна из героинь сокрушается: «А вот если бы нашёлся настоящий писатель, который мог бы о лингвисте Панчашине книгу сочинить...» Этим отчасти объясняется задумка книги.

Уже в зачине романа героиня по имени Павла читает своему сыну, тоже Павлу, расшифрованный текст всемирно известного артефакта — Фестского диска: «Рысиюния чарует очи». Эта расшифровка восходит к взглядам Геннадия Станиславовича Гриневича, которого автор искренне считает выдающимся учёным, хотя наверняка знает, что по первому образованию он был геологом и расшифровками древних текстов вначале занимался как любитель. Но писательнице, конечно, вольно трактовать своих героев так, как этого требуют художественные и гражданственные задачи создаваемого произведения. И, может статься, она потому и оказывается близка к истине?*

Немало достаётся от автора официальной науке, которая, например, не признаёт ясов и аланов родичами русов-скифов. Вместе с героем-расшифровщиком заинтересованный, даже зачарованный читатель поражается: славянское письмо, оказывается, древнее шумерского и египетского! «Павел вроде бы стеснялся своих поэтических вольностей в переложении первоисточника текста праславян... и в то же время чувствовал, что им, скорее, двигало наитие, вдохновение поэта или художника...» Позже Павел Панчашин поясняет, что ему для расшифровки мало что дала неподъёмная гора книг по истории славянской письменности, пока он не обратился к методике Гриневича. На этом же строятся и «придумки» Татьяны Батуриной.

Автор смело вводит в «Русиюнию» череду реальных исторических лиц. Герой романа Григорий Матвеевич Панчашин ведёт обстоятельный разговор с академиком Алексеем Александровичем Шахматовым, в уста которого Татьяна Михайловна вкладывает важные для понимания научного лингвистического поиска слова: «Но когда речь идёт о лингвистике, одной интуиции весьма и весьма мало, нужны фундаментальные знания». Однако в отношении другого любимого персонажа — Геннадия Станиславовича Гриневича — более уместно высказывание Николая Яковлевича Марра, приведённое на страницах романа: «Есть вещи, которые не нужно доказывать, их нужно показывать».

Волгоградская писательница, пожалуй, впервые в русской художественной литературе обращается к дискуссии о языке 1950 года и реконструирует беседу Иосифа Виссарионовича Сталина и филолога Арнольда Степановича Чикобавы, приглашённого вождём для обсуждения вопросов языкознания. Автор с пиететом относится к Сталину, вкладывает в уста Чикобавы слова с несколько неожиданной, актуализированной концовкой: «Я молча смотрел в лицо сидевшего передо мной человека, которое на моих глазах обрело властную силу и становилось всё более похожим на лик портрета, располо-

---

* Ныне Г. С. Гриневич — известный учёный, ведущий научный сотрудник отдела Всемирной истории Русского физического общества. (*Примеч. ред.*).

женного на никому не доступной высоте над чернорабочим столом хранителя Русской вселенной». При этом в романе справедливо отмечается: «Сталин сделал главное: защитил традиционную науку о языке от «нового учения...»

На страницах романического повествования, буквально с первого предложения, Татьяна Батурина являет свой незаурядный поэтический дар. Прочитируем лишь один момент: «Осень, сухая и ясная, уже принялась за своё красное дело: лесная листва наливалась разноцветной яркостью, готовясь разостлать на земле богатые покровы для встречи снегов Покровá. Тенетники, спело трепеща светлыми жилками от каждого лесного вдоха, едва-едва удерживаясь за лиственную густень, разлетались невесомыми паутинками, прицеплялись к непокрытым головам, приникали к ликам»...

В тексте явственно звучит церковнославянское слово в постоянно повторяющихся молитвах и псалмах: «Чертоже Божий Всечестне, Небесному разумному чертогу сподоби мя мою угасшую и несияющую свещу вжегши святым елеем милости Твояе...» Порой, забытой красоты ради, используются церковнославянские глаголы в не свойственных им формах: «Иди, Тарасий, в храм, дабы Господь уста твои отверзох и привлекох Духа Святаго...»

Обложку произведения украшают живописные работы народного художника Украины Андрея Антоюка. Не ведал замечательный живописец, часто бывавший в Волгограде, что его добрая знакомая и соавторша напишет вскоре после его кончины в эпилоге своего романа: «Пагуба восторжествовала: русы убивают русов, выбрасывают в изгнание... Явилось горе, откуда не ждали». Герои книги ехали «встречать несколько семей беженцев из древнерусского Славянска, разбомбленного безумствующими националистами». Так в историческое повествование, как это часто бывает у Татьяны Михайловны, остро входит современность. Но завершается роман словами надежды: «Продолжение Русиюнии следует. Ибо продолжение — в Любви». Как говорит сама Татьяна Михайловна, следует продолжение не романа, а истории единой Руси. Она свято верит в то, что с Украиной мы снова будем вместе.

Эхо русских веков доносит до всех нас эту неизбывную веру.

Василий Супрун,
*профессор Волгоградского социально-педагогического университета,
доктор филологических наук*

ОКОШЕЧКО

Наивная повесть

Кулёма выползла из постели, поковыляла по дому, по его тихой темноте, на кухню, отвинтила кран, оставила его открытым, чтобы вода вчерашняя стекала, зажгла свет в ванной, глянула в зеркало: «Ой, это ж не кулёма вовсе, это я!» — воскликнула я о себе и схватилась за зубную щетку... Потом потащила по дому дальше, по углам и половикам его забот и покоя — к иконочкам и молитвеннику...

Сегодня к обычным болям в спине прибавилась ломота в ногах. Но я знала: надо походить, подвигаться, потянуть спину на валике, пройтись кулаками по пяткам — авось, снова из дому выйду, как новенькая. И за это слава Богу! Ведь по городу уже не поковыляешь, с ним надо наперегонки бежать, хоть всё равно он тебя обгонит, обойдёт на каком-нибудь повороте, да так, что со всего маху кувыркнёшься, словно бес ножку подставит. Это зимой. А и летом тоже лучше потихоньку продвигаться вдоль домов, рядом с прогалами живой земли, где ещё не угорела от машинного чада трава и мучаются-не сдаются базарному нашествию деревья. В них — прохладная безопасность.

Родители мои (Царствие им Небесное) сейчас бы города не узнали. Мне и самой в диковину пластмассово-неживые коробки-лавки на каждом углу, а мимо заборов скорее шагать надо, чтоб не зацепила глаза да не рухнула на голову похоть житейская под видом рекламных каменных знамён. А эти бабушки нищие, по сторонам городских дорог дрожащие от мятения людского! На картонных ящиках раскладывают свои труды: носочки да варежки вязаные, да прихватки для сковородок, иная и вазочку незапамятного времени выставит, может, и купит кто. Одну вазочку — на ножке, синего стекла — я и вправду купила, потому что такая была когда-то в нашем доме, да мышка, видать, бежала, хвостиком махнула, вазочка и разбилась.

А вот стариков на улицах меньше, это потому, что мужичий век короче. И мой отец на девять лет раньше мамы ушёл... Сколько раз, перекрестясь, думала: «Благодарю, Господи, что не претерпевают мои родители нынешнего антистариковского бытия!» Не эту ли землю они вызволяли от врага в Отечественную войну? Не родину ли потом обихаживали-обряжали для